

— Неужели Пророкъ имъ приказалъ жить съ людьми? Когда же это случилось?

— Въ страшно далекое время, когда Аллахъ, разгнѣвавшись на родъ людской, затопилъ всю землю водою, и всѣ живущіе на ней погибли въ волнахъ, кромѣ одного святого пророка Нуха ³⁾, любимца Аллаха, устроившаго большой каюкъ и плававшего въ немъ со всѣми взятыми имъ съ собою тварями и животными; тогда долго земля была покрыта водами и казалось никогда уже не будетъ по ней ступать нога живого существа.

Но Аллахъ милостивъ. Стала сбывать вода. Захотѣлъ Нуха узнать обсохла ли земля. И послалъ онъ ласточку для этого. Понеслась веселая птица, но скоро вернулась обратно и сказала, что вездѣ еще мокро и нѣтъ на землѣ жизни. Выждалъ Нухъ, чтобы горячіе лучи солнца высушили землю, и вновь послалъ новаго посланца—большого жука. Улетѣлъ жукъ, расправляя свои крылья, но сколько его ни ждалъ пророкъ—не вернулся обратно жукъ.

Опять выпустилъ онъ ласточку. Еще веселѣе защебетавъ, полетѣла рѣзвая птица, радуясь солнечному свѣту, и, осмотрѣвъ много горъ и равнинъ, вернулась къ пославшему, принеся ему зеленую вѣтку. «Обсохла земля, великій Хозретъ! Растутъ на ней травы, но много еще есть мокрыхъ мѣстъ, среди которыхъ на грязной почвѣ я видѣла лишь одно твореніе Аллаха—жука, ползающаго и наслаждающагося свободой»...

Задумался пророкъ Нухъ, а затѣмъ сказалъ: «Веселая, милая птичка. Ты первая принесла мнѣ радостное извѣстіе о началѣ новой жизни на землѣ и поэтому ты получишь особую награду. Какъ я любилъ твое веселое щебетанье, такъ и всегда будутъ тебя любить всѣ люди—мои потомки. Живи всегда около людей и улаждай ихъ слухъ веселымъ щебетаньемъ. А жукъ, забывшій спасеніе его отъ гибели въ бурныхъ волнахъ и не вернувшійся ко мнѣ, пусть въ наказаніе всегда живетъ въ грязи земли и питается самою нечистою пищею, падалью и навозомъ».

И сбылось все по слову великаго Хозрета, котораго любилъ Аллахъ.

Живетъ всегда ласточка около людей, улаждая ихъ слухъ своимъ веселымъ щебетаніемъ и всегда довѣрчиво смотритъ она на всѣхъ своими веселыми глазами, такъ какъ знаетъ хорошо, что никто ей не сдѣлаетъ зла.

Давно уже мучившая меня малярія, обыкновенно оставлявшая

3) Нухъ—Ной. орологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

движеніемъ. Будто стайка испуганныхъ воробьевъ, они бросились вразсыпную, замѣтивъ, что я открылъ глаза и зашевелился, сбросивъ лежавшую на мнѣ бурку.

Группа дѣтвора была такъ красива, что я невольно ею залюбовался. Правильные, будто точеные профили, темные глубокіе глаза и нѣжный овалъ нижней части лица создавали удивительно красивые типы этихъ потомковъ древнихъ арійцевъ, сохранившихъ свой типъ едва ли не въ совершенно чистомъ видѣ.

— Тюра любить дѣтей? обратился ко мнѣ одинъ изъ таджиковъ, сидѣвшихъ тутъ же, видя, какъ я досталъ горсть сахара и передалъ его Измаилу для раздачи.

— Мы всѣ любимъ эту дѣтвору, служащую нашимъ утѣшеніемъ и опорой въ старости, любовно заговорилъ старикъ. — Они начинаютъ жизнь, которая имъ кажется сплошнымъ веселымъ праздникомъ. Надо лишь, чтобы ихъ чистое сердце осталось такимъ же всегда, какъ приказалъ самъ пророкъ, свѣтлымъ, какъ солнечный лучъ, и чистымъ, какъ вода въ горномъ ручейкѣ. И злоба пусть не положитъ свою темную тѣнь на него. Пусть они не убиваютъ никого: ни людей, ни животныхъ, ни насѣкомыхъ, такъ какъ все это живетъ, а жизнь прекрасна.

Сѣвъ на своего иноходца, смѣло ступавшаго по камнямъ горной тропы, я выѣхалъ на небольшую возвышенность, съ которой открывалась панорама горъ.

Узкія ущелья съ протекающими по дну ихъ горными рѣчками и ручьями едва обозначались небольшими складками, а вдали виднѣлись мощныя вершины главнаго массива Гиссарскаго хребта, поднимавшагося надъ цѣлымъ рядомъ предгорій и параллельныхъ меньшихъ хребтовъ.

То спускаясь внизъ и переѣзжая черезъ быструю рѣчку, то снова поднимаясь — мы добрались до впаденія рѣкъ Чандара и Хайдара въ Сорбо, по обѣимъ берегамъ котораго находятся кишлаки Варвы—два одного и того же племени, населенные таджиками, состоящими въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою.

Заросли деревьевъ придавали особый видъ всему горному ландшафту, а вдали на высотѣ виднѣлся небольшой кишлакъ Догон-Сорбухъ, расположенный въ далекомъ отъ рѣки разстояніи.

Небольшое, повидимому, очень древнее кладбище съ могильными холмами, украшенными камнями и рогами горныхъ барановъ, привлекло мое вниманіе заунывнымъ причитаніемъ, несшимся отъ него. Какія то темныя фигуры сидѣли около могилъ.

Набросанные грудю самой причудливой формы камни, лежащие под огромным развѣсистым тутомъ, составляли собою центръ кладбища. Все дерево было увѣшано огромнымъ количествомъ всякихъ разноцвѣтныхъ тряпочекъ и лоскутковъ, представлявшихъ собою жертвы, вѣшаемыя на дерево, чтобы умилостивить злыхъ духовъ.

Запахъ какого-то ѣдкаго дыма разносился по окрестностямъ.

— Что тамъ такое? остановилъ я лошадь.

— Это наши люди вспоминаютъ похороненныхъ здѣсь, приходя къ нимъ въ гости на могилы. Ходятъ нѣсколько разъ въ годъ. Теперь же они напекли чуреконъ изъ новаго хлѣба и, вспоминая умершихъ по именамъ, ѣдятъ на ихъ могилахъ. А когда уходятъ, такъ и оставляютъ для мертвыхъ часть хлѣба.

Монотонное пѣніе страшно напоминало наше деревенское причитаніе по покойникамъ. Старческій голосъ что-то передавалъ речитативомъ и въ этихъ звукахъ, доносившихся до моего слуха, чувствовалась скорбь по всѣмъ ушедшимъ въ иной міръ, откуда нѣтъ возврата.

Гранитныя горы между тѣмъ окончились и начались известковые породы, рѣзко измѣнившія весь видъ мѣстности.

Орѣховыя рощи мѣстами покрывали берегъ рѣки и ущелья, давая возможность полюбоваться могучею густою листвою этихъ великановъ, правильно разросшихся, не требуя за собою никакого ухода, кромѣ солнца, дающаго имъ свѣтъ.

Кусты гранатника, покрытаго плодами и сгибающагося подъ ихъ тяжестью, росли во многихъ мѣстахъ по склонамъ вперемежку съ грушевыми деревьями.

— Хорошій годъ, одобрительно замѣтилъ Измаиль-ша, осматривая тонкія вѣтви, пригнутыя къ землѣ тяжелыми плодами. — Всего много: виноградъ, тутъ, гранаты, урюкъ. Аллахъ приказалъ и земля исполнила. И арпа ⁴⁾, и джау ⁵⁾ есть у таджиковъ. Больше чѣмъ на годъ будетъ. Можно много спрятать въ землю.

Я думалъ, что ослышался, и спросилъ.

— Развѣ тыра не знаетъ? У насъ каждый таджикъ имѣетъ такое тайное мѣсто, куда прячетъ зерно, чтобы, если черезъ годъ-другой будетъ неурожай, имѣть запасъ для ѣды и посѣвовъ. Когда соберутъ новый урожай, его прячутъ, а старый, прошлогодній, вынимаютъ. Наши люди вѣдь все прячутъ. Боятся, что амлякдаръ отниметъ. И вещи разныя и деньги—все скрываютъ отъ завистливаго

4) Арпа—пшеница.

5) Джау—ячмень.

глаза въ своихъ тайникахъ и ничего даже сосѣди не знаютъ, гдѣ находится какое мѣсто. А то зерно, которое нужно для пищи также, закапываютъ въ ямы, но невдалекѣ отъ жилищъ. Знаешь ли, тюра, поэтому мы и не боимся неурожая; старики говорятъ, что, когда въ долинахъ былъ голодъ, таджики въ горахъ всегда бывали сыты.

Пока мы вели разговоры, остановившись на ночлегъ около сакли, вдаль показалась какая-то темная кучка людей, направлявшихся изъ Роумита по той же дорогѣ, по которой я только что проѣхалъ. Постепенно начали вырисовываться костюмы, лица и черезъ нѣсколько времени уже увѣренно можно было сказать, что это русскіе солдаты, одѣтые въ армячныя желтоватыя рубахи, красныя вытертыя чембары и грязно-сѣрыя фуражки. Неся какіе-то мѣшки съ винтовками за плечами, эта кучка поднялась на вершину перевала и тогда среди нихъ можно было различить болѣе стройную фигуру офицера, отличавшагося лишь почернѣвшими погонами на такой же рубашкѣ, какъ и у нижнихъ чиновъ.

— Кто это, Измаиль-ша? указаль я на виднѣвшуюся группу.

— Это, тюра, урусы-сарбазы; они уже одинъ разъ здѣсь были два года тому назадъ. Стрѣляютъ горныхъ барановъ, кабановъ. Таджиковъ не обижаютъ и за все платятъ звонкими бухарскими деньгами. Только одинъ разъ дали кусокъ бумаги и мы долго не могли ничего съ нимъ сдѣлать—потомъ гиссарскій бекъ взялъ. Хорошая, сказаль бумага, все-равно что деньги. Русскій Акъ-Падишахъ на ней свою печать поставиль.

Сильно усталые стрѣлки, добравшись до мѣста нашей стоянки, несмотря на большой переходъ, тотчасъ же принялись разводить костры и жарить на длинныхъ шампурахъ куски мяса.

Пожилой штабсъ-капитанъ начальникъ команды, познакомившись со мною и устроившись на кошмѣ, сталъ закусывать, поглощая массу съѣстного.

Худощавый узбекъ переводиль, мало понимая по-таджикски, спрашивалъ моихъ спутниковъ о чемъ-то, поминутно заставляя повторять многія слова.

— Юнусъ, узнавай скорѣе, когда можно дойти до рѣки Конязи, понукаль его офицеръ.

— Сейчасъ, тюра, все узнаю. Здѣсь такой народъ, по-узбекски не говоритъ ни слова, не такъ какъ въ долинахъ.

— Проводника возьмемъ и тогда пойдемъ.

— Нѣтъ, сегодня дальше нельзя идти, отозвалса молча сидѣв-

— Почему нельзя? спросили капитанъ и я почти въ одинъ голосъ.

— А развѣ, тюра, не знаетъ, какая наступаетъ сегодня ночь? Не слышалъ, тюра? Вотъ не хорошо, что тюра мало учился. У насъ каждый слышалъ, что сегодня Ляйлять-Уль-Кодръ — ночь Всемогущества и Предопредѣленія, и въ эту ночь никто не долженъ быть въ дорогѣ, а старые люди молятся Аллаху въ мечетяхъ, такъ какъ въ эту ночь Аллахъ призываетъ къ себѣ Джебраила ⁶⁾ и приказываетъ ему громко читать книгу Каме и Агманъ, въ которую записаны всѣ хорошія и дурныя дѣла людей. И самъ вспоминаетъ, все ли записано въ книгу и не пропущено ли чего по небреженію о каждомъ самомъ послѣднемъ человѣкѣ. Это, тюра, страшная ночь, потому что Всемогущій затѣмъ приказываетъ раскрыть другую книгу Ляухи-Мя-Фузъ и велитъ на ея чистыя страницы вписать все то, что предназначено Имъ къ исполненію на слѣдующій годъ для всего міра и каждого человѣка. И разъ уже что записано въ книгу, то обязательно исполнится и измѣниться не можетъ, такъ какъ никто не можетъ измѣнить вѣлній Всемогущаго.

Каждый хорошій мусульманинъ всегда долженъ соблюдать установленные посты, а въ дни уразы въ особенности необходимо это исполнять, такъ какъ въ эту ночь ангелъ Джебраиль обходитъ всю землю и наблюдаетъ всѣ ли люди исполняютъ постъ и, если увидитъ кого-либо неисполняющимъ шаріатъ, то тому очень нехорошо будетъ, когда Всемогущій начнетъ свой страшный судъ надо всѣми людьми. Джебраиль будетъ тогда говорить обо всемъ, что видѣлъ, и не покажетъ неправды, и осудитъ тогда Творецъ свое созданіе.

Но за то въ ночь Ляйлять-Уль-Кодръ Джебраиль сходитъ вмѣстѣ со всѣми великими джинами ⁷⁾ на землю и, увидѣвъ постящихся и творящихъ молитву правовѣрныхъ, въ свою очередь молится Творцу о нихъ.

Узбекъ-джигитъ, давно уже прислушивавшійся къ словамъ Измаила-ша, внезапно его перебилъ.

— Откуда же Ша знаетъ, что именно сегодня ночь Ляйлять Уль-Кодръ? Наши улемы говорятъ, что ее нельзя узнать, такъ какъ Аллахъ скрылъ ее среди остальныхъ ночей уразы; поэтому съ концомъ какого дня начинается эта ночь, никто не знаетъ. Одинъ мулла рассказывалъ, что нужно всю уразу молиться, чтобы не пропустить страшную ночь.

— Твой мулла былъ плохой мулла, мало читалъ, мало зналъ. Гафизъ-Мударисъ изъ Гиссара мнѣ указалъ примѣты, по которымъ

⁶⁾ Архангелъ Гавріиль.

⁷⁾ Духъ.

можно узнать наступленіе этой ночи. Въ ночь Ляйлатъ-Уль--Кодръ бываетъ полная тишина на землѣ. Ни одно животное не подаетъ своего голоса, слушая небесные звуки, а днемъ передъ нею солнце восходитъ изъ темнаго густаго тумана совершенно кроваво-красное и не бросаетъ своихъ яркихъ лучей на землю. Въ такую же ночь много тысячъ лѣтъ тому назадъ Всемогущій черезъ Джебраила передалъ пророку Магомету печать всѣхъ пророковъ, святой Коранъ, чтобы онъ его сообщилъ всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ; поэтому-то одинъ намазъ, совершенный въ такую ночь, равняется одной тысячѣ обыкновенныхъ намазовъ. Когда же открываются небеса и изъ нихъ льется небесный свѣтъ на землю, въ это время о чемъ бы человѣкъ ни просилъ въ молитвѣ—все исполнится по слову Всемогущаго.

Группа изъ нѣсколькихъ женщинъ появилась около мечети и, повернувъ по тропинкѣ въ сторону, направилась куда-то въ горы. Нѣкоторые изъ нихъ несли что-то закрытое кускомъ полотна. Бросая на насъ любопытные взгляды и тихо переговариваясь между собою, онѣ скоро исчезли за ближайшими холмами.

— Куда онѣ направляются—вонъ тѣ женщины?

— По обычаю предковъ въ этотъ день надо побывать на могилахъ своихъ близкихъ, такъ какъ всегда въ это время спускается душа умершихъ къ своему праху и ждетъ прихода женщины одной съ ними крови. Когда же молятся, такъ душѣ бываетъ пріятно и она радуется, что вспоминаютъ покойнаго. Женщины относятъ на могилы чуреки и, переломивъ ихъ, съ молитвою сѣдаютъ одну часть, а другую кладутъ на могилы для усопшихъ, а если умѣетъ кто, читаютъ суры Корана объ умершихъ.

Ты вѣдь сегодня уже разъ видѣлъ, тюра, людей и женщинъ на кладбищѣ, когда мы проѣзжали въ полдень. Теперь изъ всѣхъ мѣстъ они идутъ къ могиламъ своихъ близкихъ.

Д. Логофетъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

